

Я РАССКАЖУ вам удивительную историю, невероятную, в сущности, историю, из тех, которые не придумываются, а творятся самой жизнью.

В одном селе — такие села на Украине обычно ласково именуются местечками, и называлось это местечко тоже ласково: Голосково — в конце прошлого века родился мальчик. В конце прошлого века, точнее я сказать не могу, потому что этот мальчик и сам не знал, когда именно он родился, потому что его день рождения никогда и ни для кого не был праздником. В семье было еще пять человек детей, и их накормить досыта было трудно, так что какие уж тут дни рождения. Однако пока в этом нет еще решительно ничего невероятного.

Невероятное начинается с того, что и отец, и мать, а затем один за другим пятеро их детей умерли от туберкулеза, и на свете остался только один мальчик. Тот самый, с которого я начала свой рассказ. Почему-то он не умер от туберкулеза, а вырос здоровым и красивым. Согласитесь, что это уже само по себе удивительно, но это еще не все.

Никто никогда не учил мальчика грамоте, а работал он с малых лет, чтобы как-то прокормиться, и до десяти лет оставался неграмотным. Но при этом с малых лет говорил стихами, придумывал, рассказывал и распевал веселые песенки и стихи о том, что он, ребенок, видел вокруг, что изумляло и радовало его в мире, столь пеласковом к нему и тем не менее, а может быть, даже тем более удивительном и невероятном. Разумеется, он их придумывал и рассказывал на родном языке, и был это еврейский язык.

В десять лет мальчик узнал, что в мире существует еще одно чудо — книги и для того, чтобы их читать, надо быть грамотным. И вот этот мальчик без всякой помощи, своими средствами и способами овладел грамотой, русской грамотой, и стал жадно и упорно читать все, что только можно было читать по-печатному в местечке Голосково, и для этого на всевозможные уловки и хитрости. Я не буду о них рассказывать, мне не хватит места, я только скажу, чем это кончилось, ибо это и есть самое невероятное: нищий мальчик из еврейского местечка стал поэтом. Вероятно, правильнее будет сказать, что он остался поэтом. Таким, каким был с рождения: распеваящим и рассказывающим веселые и грустные, радостные и трогательные стихи и песенки про детей и для детей, и имя его было — Лев Квитко.

О поэте Льве Квитко, о его поэзии уже немало написано, и едва ли я добавлю что-либо новое, если скажу, что поэзия эта пленительна своей естественностью, своей вроде бы немудреностью, своей полной свободой и простотой.

Свобода и простота! Какие емкие и многозначные смыслы! По-моему, самые драгоценные в поэзии, да и в любом искусстве. Именно поэтому совсем простые стихи Льва Квитко означают значительно больше, чем то, о чем в них вроде бы идет речь. Именно поэтому эти прелестные стихи и песенки, словно бы пропетые ребенком, трогают и радуют любителей поэзии всех возрастов. Именно поэтому они сохраняют свою прелесть и единственность и в переводе с родного языка поэта на другой его родной язык. Я позволю себе не говорить о мастерстве переводчиков Квитко, в этом нет нужды, стоит только взглянуть в их перечень. Я позволю себе вообще не говорить больше ничего о собственно поэзии Льва Квитко, потому что не смогу, пожалуй, сказать о ней лучше и больше, чем она сама о себе говорит. И те, кого мне удастся заинтересовать этими строчками, пусть лучше сами прочитают стихи этого поэта. Узнать их трудно — общий тираж книг его стихов более 30 миллионов. А вот о Квитко-человеке я попытаюсь хоть немножко рассказать.

В 1976 году издательство «Детская литература» вы-

пустило книгу «Жизнь и творчество Льва Квитко». Хорошая книга, бережно воссоздающая облик поэта. Наряду с разделом, включающим в себя статьи о творчестве Льва Квитко, с автобиографическими материалами и письмами его, в книгу входят воспоминания о поэте его близких, друзей, товарищей, но, пожалуй, самое драгоценное в разделе воспоминаний рассказывает нам спутница всей жизни поэта — Берта Самойловна Квитко. Ее воспоминания открывают раздел, и озаглавлены они: «Творить добро — было сущностью его жизни». И, право же, эти слова, этот смысл могли бы быть вынесены на титульный лист раздела воспоминаний, а то и всей книги. И заключают раздел три странички Л. Пантелева, и есть там такие строчки: «Мы должны учить доброту», — сказал он, глядя мне в глаза. Сказал спокойно, без всякой учительности и наставительности, как бы самому себе».

Добрый человек из Голоскова

К 90-летию со дня рождения
Льва КВИТКО

Доброта — сущность этого человека, этой жизни, этой судьбы, и о ней помнят все, кто помнит его, и о том же могу долго и обстоятельно вспоминать и я. Доброта, не прикрываемая никакой позой, не замаскированная никакими внешними приемами, никакой иронией, доброта органичная, естественная и убежденная. И она уже перерастала в нечто большее, становясь некоей огромной внутренней силой, верой человека, атмосферой, которую он источает и которой дышит сам. Злым он не мог быть никогда, ничем, ни во имя чего, если же жизненные обстоятельства и могли заставить его рассердиться, возмутиться, может быть, даже разгневаться, то это ему было нелегко, но и не сделать этого он подчас не мог, ибо был не просто добрым дядей, а человеком глубокой, органической

порядочности, высоких душевных принципов и, стало быть, по большому счету требовательным к себе самому и соответственно к людям. Можно было бы, пожалуй, сказать, что он никогда не простил бы себе никакого отступления от своих житейских принципов, если бы можно было хоть на мгновение допустить хоть крошечную возможность подобного отступления.

Он особенно раскрылся и покорила меня, когда мы провели вместе целый месяц на юге, на морском берегу. Было начало осени, южной осени, — кто мог думать, что это его последняя осень... Вокруг было много хороших людей, и жили мы дружно, празднично, молодо. Много гуляли, много веселились. Шел четвертый год после окончания войны, после нашей победы, могли ли люди не радоваться жизни, не верить в будущее! Квитко был на диво покоен и ясен, был рад всякой радости, всякой шутке, всякой игре, охотно смеялся и охотно смешивал людей. И, господи, каким надежным и ясным, каким добрым и мудрым в обороте своей казался мир, когда ты оказывался рядом с этим ясным и верным, полным чувства достоинством

покойной мудрости человеком! Рядом с ним казалось, что на свете не может быть неправды, вероломства, предательства, что людям можно и нужно верить, что они неспособны ни на что низкое и дурное. Не могу представить, чтобы кто-нибудь мог не поверить в него или не поверить ему. Всем, чем он столь щедро был наделен природой — добротой, благородством души, внимательной мудростью во взгляде на все сущее в мире, верой в людей, да и во все живое, — он щедро и радостно делился с миром в своих стихах. Они были все про тот добрый мир хороших людей, которые проникают мыслью и душой во все сущее вокруг них, будь это человек, ребенок, собака, птица, сосна, одуванчик. О чем бы он ни вел речь, он всегда думал о том, как радостно и мудро можно было бы жить на земле эту долгую короткую жизнь, если бы не... если бы, кабы...

Я обещала рассказать удивительную историю, невероятную, в сущности, историю. Я старалась выполнить обещание, не знаю, удалось ли мне это, но, право же, история моя была бы еще более удивительной и невероятной, если бы я могла довести ее до конца этого доброго человека. Не стану этого делать, не знаю подробности. В начале восьмидесятых годов — он точно не знал, в какой именно — Льву Моисеевичу Квитко исполнилось бы девяносто лет. Люди редко доживают до такого возраста. Не дожил и Квитко. Люди гибнут, поэты остаются. Может быть, и на том спасибо... Живет поэзия Квитко, живет его доброе имя. Ибо, как сам он сказал, просто и бесспорно:

Кто может славу
Заслужить,
Заслужит право
Вечно жить!

Маргарита АЛИГЕР